

Е. В. Чудинова, О. С. Шурупова

Проблема двойничества: от романтизма до постмодернизма (на примере романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка»)

В статье рассматривается проблема двойничества, получившая отражение в многочисленных произведениях как русской, так и зарубежной художественной литературы. Актуальность статьи объясняется необходимостью исследования романа современного автора Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка», который во многом продолжает традиции английской классической литературы, с точки зрения реализации в нем проблемы двойничества. Целью данной работы стало исследование того, как особенности двойничества проявляются в романе «Тринадцатая сказка». Объект исследования – совокупность художественных концептов, которые получили репрезентацию и интерпретацию в тексте романа «Тринадцатая сказка» и благодаря признакам которых в тексте создается образ двойников. Для достижения цели исследования использованы описательный метод, метод анализа словарных дефиниций и метод компонентного анализа. В ходе исследования подвергнуты анализу особенности репрезентации и интерпретации базового концепта «twin» («близнец»), его информационное содержание и ассоциативное поле.

Ключевые слова: «Тринадцатая сказка» Д. Сеттерфилд, проблема двойничества, концепт, художественный текст, базовый концепт, концептосфера, twin (близнец).

Для цитирования: Чудинова Е. В., Шурупова О. С. Проблема двойничества: от романтизма до постмодернизма (на примере романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка») // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 4. – С. 141–153. DOI: 10.35231/25419803_2024_4_141. EDN: VRPIZZ

Цель данной статьи заключается в том, чтобы подвергнуть анализу проблему двойничества в современной английской литературе на примере романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка». Актуальность исследования объясняется необходимостью изучения романа, который оказал значительное влияние на читающую публику Англии, удостоившись в посвященных ему критических статьях звания «новой “Джен Эйр”», а также достиг большой популярности и среди современных российских читателей. Задачи исследования связаны

с тем, чтобы проанализировать базовый концепт «twin», его информационное содержание и ассоциативное поле, сформулировать основные признаки, приобретаемые им в смысловом пространстве романа «Тринадцатая сказка». Научная новизна статьи связана с обращением к концептосфере романа Д. Сеттерфилд, ранее не подвергавшейся систематическому изучению в отечественной науке. Хотя образы двойников в этом произведении уже рассматривались рядом авторов [3; 7], они посвящали свои работы двойничеству как подобию и противопоставленности героев текста, не фокусируя свое внимание на глубинных связях главных персонажей – Эммелины, Аделины и их сводной сестры. На наш взгляд, исследование этих связей поможет выявить главные особенности реализации проблемы двойничества в литературе постмодернизма.

Проблема двойничества неизменно вызывает интерес как исследователей отечественной и зарубежной литературы, так и культурологов. Так, в своих работах Л. А. Абрамян доказывает, что мифы и образы, связанные с близнецами, существовали в культуре разных народов в самые ранние исторические эпохи [1–2]. Например, в мифах индейцев Северной и Южной Америки, народов Океании один из близнецов является воплощением доброго начала, а второй – воплощением злой силы, при этом между братьями начинается борьба. В некоторых мифах братья-близнецы не находятся в противоборстве друг с другом, а дополняют друг друга и «воплощают ... два начала» [11, с. 174]. Исследователи указывают на значение мифов, касающихся близнецов, в культуре разных народов: первоначально у большинства народов мира рождение близнецов считалось «уродливым, а сами близнецы – ... опасными» [11, с. 175]. В дальнейшем происходит сакрализация близнецов и их родителей, которая связана с представлением о связи рождения близнецов с плодородием. Наконец, особое значение близнецный культ имеет «в религии обществ с ярко выраженными следами дуальной организации» [11, с. 176], в которых существовало «сочетание двух экзогамных родов» [10].

В дальнейшей культурной традиции мифы о близнецах развиваются и трансформируются в идеи о двойственной природе человека, о его двойнике, тени, отражении. Проблеме двойничества посвящены исследования О. М. Фрейден-

берг, которая, описывая функцию двойничества, связывала ее с делением мира на «пространство жизни» и «пространство смерти», при этом двойником человека являлась его душа [13]. В современных работах Б. Зейтца [19], И. Шило [21], К. Беркмен [16] проблема двойничества рассматривается с точки зрения различных подходов: психоаналитического, антропологического, исторического, литературоведческого, – при этом авторы работ приходят к выводу о том, что двойничество – сложный феномен, которому нельзя дать однозначного определения. Как указывает О. А. Джумайло в своем исследовании «Новые книги о двойничестве», ученые дают максимально широкое понимание двойничества: «от бинарности и повторов разного рода до выделения “альтер-эго”, обнаружения реляций, указывающих на подобие / противопоставленность двух разных персонажей, трансгрессию, проявленность двух сторон одной и той же личности, возможность множественного “Я” и т. д. и т. п.» [7, с. 244].

Как известно, тема двойничества привлекала особое внимание представителей романтизма. Как писал В. Гюго в своеобразном манифесте европейского романтизма «Предисловие к «Кромвелю», «человек является двойственным, как и его судьба, заключает в себе животное и дух, душу и тело, – словом – является точкой пересечения, общим звеном обеих цепей тех существ, которые обнимают собою все сущее, существ материальных и существ бестелесных» [7, с. 79]. Эта тема получила развитие в творчестве немецких романтиков, в частности, Э. Т. А. Гофмана. Как указывает Н. Берковский, «суть не в удвоении, суть в том, что подтачивается единственность человеческой личности» [3, с. 498]. Так, в романе «Эликсиры дьявола» этот «мотив внутреннего раздвоения личности» [15, с. 10] был реализован прежде всего в противопоставлении и связи образов Медарда и Викторина, при этом Викторин выступал в качестве подсознательной злой, темной силы, которая подталкивала Медарда к преступлениям. «Второй Медард вынут из души Медарда первого, отсюда и тождество между ними. Второй Медард – оглашенная тайна, нечаянно показавшаяся людям и миру тайна Медарда первого. В первом Медарде скрыт некий “черный” человек, насильник и убийца» [3, с. 533]. Однако Медард, способный любить и каяться, в кон-

це романа старается искупить свои прегрешения искренним покаянием и молитвами, переживая внутреннее очищение. Мир произведения Гофмана гармоничен: в нем есть добро и зло, любовь и ненависть, главные герои могут искупить грехи своих предков или заслужить прощение ценой своей жизни или молитвенным покаянием.

По утверждению А. Григорьева, «пусть романтическое веяние пришло извне, от западной жизни и западных литератур, оно нашло в русской натуре почву, готовую к его восприятию, – и потому отразилось в явлениях совершенно оригинальных...» [5, с. 15]. В русской литературе получает развитие проблема двойничества как проявления зловещего и темного второго лика человека, который внезапно проявляется и даже выходит наружу и «занимает место рядом со своим подлинником, становится тоже действующим лицом» [3, с. 535]. Встреча с двойником знаменует победу злого начала в душе героя и одновременно служит ему своеобразным наказанием. Это происходит и с коллежским асессором Ковалевым, который с изумлением узнает, что его собственный нос отделился от хозяина и стал делать карьеру, и с господином Голядкиным из повести Ф. М. Достоевского «Двойник», который сталкивается с Голядкиным-младшим, готовым безжалостно вытеснить из жизни своего подлинника. Появление двойника в этих произведениях явно воспринимается как происки бесовских сил, которым человек неосторожно покорился. По словам М. М. Дунаева, «Голядкину покоя не дает его амбициозность, то есть одно из пошлейших проявлений... гордыни, его несогласие со своим званием. Он... встречается в диковинном смешении фантазии и обыденности со своим двойником, который, как вскоре выясняется, своею жизнью... весьма доволен и оттого преуспевает в ней вполне, постепенно вытесняя из действительности самого Голядкина-подлинного» [9, с. 417].

В реалистическом романе Ф. М. Достоевского «Подросток» тема двойничества раскрывается как тема мучительного раздвоения личности. Так, его персонаж Версилов заявляет: «Знаете, мне кажется, что я весь раздваиваюсь... Право, мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь. Точно подле вас стоит ваш двойник» [8, с. 408–409]. Писатель исследует пси-

хологическую сущность раздвоения человека как результата внутреннего разлада и утраты самоидентичности.

В современной литературе постмодернизма происходит возвращение к свойственному для романтизма пониманию таинственной и мрачной природы двойничества. Для постмодернизма характерно игровое, во многом ироническое обращение к культурному наследию предыдущих эпох, поэтому закономерно, что роман современного английского автора Д. Сеттерфилд изобилует аллюзивными отсылками к прецедентным текстам английской литературы. Так, зеленые глаза героинь-близнецов напоминают о таких персонажах викторианских романов, как Джен Эйр и Ребекка Шарп, а безумная страсть их родителей заставляет вспомнить об отношениях Кэтрин и Хитклифа из «Грозового перевала» Э. Бронте. Однако в постмодернистском тексте характерные для классической литературы мотивы, в том числе мотив двойничества, приобретают особенно зловещее звучание.

Материалы и методы

В современной английской литературе тема двойничества находит иную интерпретацию. Так, в романе Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» [20], послужившем материалом данного исследования, она реализована прежде всего через образы сестер-близнецов. Объект исследования – концепт “twin”, получающий репрезентацию и интерпретацию в его пределах. Для достижения цели и решения задач исследования использованы описательный метод, метод анализа словарных дефиниций и метод компонентного анализа.

Результаты

В отличие от мира произведения Э. Т. А. Гофмана, художественная действительность произведения «Тринадцатая сказка» Д. Сеттерфилд дисгармонична. В нем также описана история одной семьи, страстей и безумия представителей разных поколений вырождающегося рода. В этом мире дети рождаются от насилия или в результате кровосмесительных отношений, а для убийства и жестокости не нужна особая причина. В центре описываемых событий – близнецы-девочки Эмелина и Аделина, родившиеся от красивой, но бездушной

и впоследствии безумной Изабеллы, которая совершенно не занималась их воспитанием: “...she had not a single maternal bone in her body” [20, p. 64] / «у нее не было ни одной черточ-ки, которая делала бы ее матерью». Их отцом был не менее бездушный и жестокий Чарли, которого пожирала нездо-ровая страсть к сестре. Подросшие близнецы создали свой собственный мир, в котором не было нужды в других людях и в котором существовал свой собственный язык: “It was no language she had ever heard... They didn't talk properly” [20, p. 69] / «Никогда до этого она не слыхала такого языка. Они не говорили как подобает». Автор постоянно подчеркивает связь между двумя девочками-близнецами, описывая их. Героини романа все делали вместе, их невозможно было отли-чить друг от друга, часто они выполняли какие-то действия синхронно, например, поворачивали головы с началом боя часов. Иногда они тайно следили за происходящим в доме, тогда за другими людьми подглядывали две пары глаз (“two pairs of wide green eyes” [20, p. 70] / «две пары огромных зеле-ных глаз»). Д. Сеттерфилд делает акцент на ненормальности близнецов: так, по мнению служанки Миссиз, они не воспри-нимали других людей как живых существ: “They don't know that anyone is alive but themselves” [20, p. 70]. Или восприни-мают людей как ампутантов, лишенных другой половины – своего близнеца. Попытка разделить близнецов приводит к их болезни: «They were apart; they were alone; they were in a kind of limbo. They were like amputees» [20, p. 150] / «Они были разделены; они были одиноки; они пребывали в состоянии неизвестности. Их будто оторвали друг от друга».

Анализ романа позволяет выделить ключевые слова, связан-ные с темой сестер-близнецов: “unnatural” / «неестественный» (6), “ghosts” / «призраки» (6), “amputees” / «оторванные (друг от друга)» (3), “monstrous” / «ужасный» (2), “strange” / «стран-ный, чужой» (2), “odd” / «странный» (2). При этом автор романа подчеркивает, что характеры близнецов представляли собой противоположности: Эммелина была добра, а Аделина жестока: “...had the goodness of two children in her, and Adeline the wick- edness of two” [20, p. 68] / «Эммелине была добра за двоих, а Аделина – зла за двоих». Однако сестры не вступают в про-тивоборство, не происходит борьбы добра со злом: Эммелина

пассивна и глупа, она была готова терпеть жестокость сестры. Мир близнецов искажен и ненормален, в нем отсутствует гармония, поскольку добро не может противостоять злу и лишено рассудка, а жестокость Аделины торжествует. Так в близнецах уродливо переплелись качества гармоничного человека: доброта, общительность, ум, изобретательность, которые были разделены между двумя личностями. Можно предположить, что двойничество в этом случае является метафорой: Эмелина как символ человеческой души, открытой к общению, добру, любви, и Аделина как символ человека, лишённого души.

Девочки, являющиеся сестрами-близнецами, по сути становятся двойниками друг друга, и концепт “twin” («близнец») реализует в данном тексте признак, связанный с двойничеством. Рассмотрим информационное содержание концепта «twin» в английской и американской лингвокультуре. Словарь “Cambridge Advanced Learner’s Dictionary” приводит следующие значения слова “twin”: “1. One of two children who are born to the same mother on the same occasion; 2. One of two very similar things” [17, p. 1697] / «1. Один из двух детей, одновременно рожденных одной и той же матерью; 2. Одна из двух очень похожих вещей». Словарь “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” дает два значения слова: «1. one of two children born at the same time to the same mother; 2. one of two similar things that make a pair” / «1. один из двух детей, рожденных в одно и то же время одной и той же матерью; 2. один из двух парных предметов» [18, p. 1668].

С помощью анализа ассоциаций, которые вызывает данное слово у носителей английского языка, можно представить следующую модель ассоциативного поля данного концепта: в ядерную зону входит признак рождения в одно и то же время одной матерью. В ближнюю периферию входят признаки схожести, похожести, связи между близнецами. К дальней периферии относится признак необычности.

Если сравнить информационное содержание концепта “twin” с его интерпретацией в тексте Д. Сеттерфилд, то можно отметить, что автор романа переносит в ближнюю периферию признак необычности, кроме этого, к ближней периферии концепта относятся признаки ненормальности, неполноценности, неестественности, призрачности.

Идея двойничества реализуется в романе не только через образы близнецов Аделины и Эммелины, но и с помощью образа их сводной сестры, которая в последующей жизни принимает имя-псевдоним Виды Винтер. Хотя о существовании третьей девочки читатель узнает только в конце романа (“Once upon a time there were three” [203, p. 282] / «Когда-то их было трое»), Д. Сеттерфилд намекает гораздо раньше, что речь пойдет не о двойне, а о трех главных персонажах: “Ah, the rule of three...The magic number” [20, p. 41] / «Ах, правило трех... Волшебное число»). Если говорить о символическом значении числа три, то нужно отметить, что третий персонаж призван решить проблему противоречия между двумя сестрами-близнецами: тройка «олицетворяет решение конфликта, поставленного дуализмом» [14, с. 74], третий персонаж должен выполнять «гармонизирующую функцию» [14, с. 75]. Интересно, что автор изначально лишает свою главную героиню имени, дав ей прозвище Тень: “John called me Shadow” [20, p. 292] / «Джон звал меня Тенью». Даже позднее, выбирая псевдоним для своей писательской деятельности, она решает взять себе имя Виды Винтер, так как оно обозначает пустоту, ничто: “Vide in French means empty. The void. Nothingness” [20, p. 29] / «По-французски *vide* значит пустой. Пустота. Ничто». Безымянная девочка-подкидыш, не знающая своей матери и не признанная своим отцом, тайно живущая в имении своих сестер, вобрала в себя все лучшие качества: доброту, способность сопереживать и любить, ум, волю и способность действовать. Для создания ее образа автор использует метафоры «привидение», «призрак», «девочка из мглы», подчеркивая нереальность, неправдоподобность ее существования. Деятельная и активная «девочка, вышедшая из мглы», обладая умом и добрым сердцем, не смогла решить конфликт сестер-близнецов: ревность Аделины и ее ненависть к ребенку Эммелины привели к трагедии, к смерти одной из сестер и трагическому перевоплощению второй сестры: ее лицо обезображено, она не может или не хочет говорить, и читатель даже не знает точно, кто из сестер-близнецов уцелел: Аделина или Эммелина. Уцелевшая сестра теряет свою индивидуальность и также становится призраком, тенью без лица и без имени. В романе не происходит ни примирения сестер, ни раскаяния за совер-

шенное зло, ни искупления, связи между сестрами разорваны, но это не приводит к решению конфликта: сестры не могут существовать ни вместе, ни порознь, так как представляют собой одно целое и противоречивое «Я».

Иначе представлена проблема двойничества на примере другой героини романа, Маргарет, которая потеряла сестру-близнеца Мойру в младенчестве. Она также чувствует себя неполноценной, разделенной, половинкой, как будто бы кто-то отнял у нее душу: “What kind of an unnatural creature was I? What abomination of nature is it that divides a person between two bodies before birth, and then kills one of them? And what am I that is left? Half-dead, exiled in the world of the living by day, while at night, my soul cleaves to its twin in a shadowy limbo” [20, p. 150] / «Что я за противоестественное создание? Какое извращение природы делит личность человека на два тела еще до рождения, а потом убивает одно из них? И что именно осталось от двоих во мне? Я наполовину мертва, днем обречена влачить земное существование, а ночью моя душа прилипает к неопределенной тени своего двойника».

Однако, несмотря на драматичность описываемых в романе событий, Д. Сеттерфилд не отнимает у читателя надежду: Вида Винтер обретает успокоение в том, что она перед смертью рассказала правдивую историю своей жизни, сын Эмме-лины Аврелиус находит своих родных, Маргарет видит свою сестру во сне и прощается с ней.

Обсуждение и выводы

Анализ концептосферы романа позволяет сформулировать его смысл: в современном мире нарушена гармония, он жесток и дисгармоничен, в нем нарушена целостность образа человека, образа «Я», он раздроблен и потерян, но даже в этом мире есть место для любви и добра. На наш взгляд, в романе Д. Сеттерфилд выявляются особенности реализации проблемы двойничества в литературе постмодернизма: образ «Я» искажен и раздроблен на несколько частей, человек изображен в виде ампутанта, лишённого души, окружающий мир неестественен, дисгармоничен. Если в текстах русской и немецкой литературы эпохи романтизма двойник представлял собой уродливое, греховное отражение сущности человека,

порождение его тщеславия или других низменных страстей, которое можно было одолеть с помощью покаяния, то в романе современного английского автора примирение человека с самим собой и гармония возможны только после смерти. В данном тексте светлая сторона личности не может одолеть темную, так как они слишком тесно связаны друг с другом.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в детальном изучении концептосферы романа Д. Сеттерфилд, а также других произведений английской литературы постмодернизма, что позволит исследовать особенности современного миропонимания, характерного для английских текстов, и осмыслить пути его развития и возможности влияния на российских читателей.

Список литературы

1. Абрамян Л. А. Об идее двойничества по некоторым этнографическим и фольклорным данным // Историко-филологический журнал. – 1977. – № 2. – С. 47–60.
2. Абрамян Л. А. Человек и его двойник (к вопросу об истоках близнецного культа) // Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. – М., 1977. – С. 60–77.
3. Берковский Н. Романтизм в Германии. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 576 с.
4. Бурцева М. А., Гизатулина Г. Е. Система персонажей-двойников в романе Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – Вып. 1. – С. 49–56.
5. Григорьев А. А. Литературная критика. – М.: Наука, 1967. – 516 с.
6. Гюго В. Предисловие к «Кромвелю» // Собрание сочинений в 15-ти т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – Т. 14. – С. 74–132.
7. Джумайло О. А. Новые книги о двойничестве // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 243–256. EDN: ZBKQOD
8. Достоевский Ф. М. Подросток // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Художественные произведения (тома I–XVII) / АН СССР, Ин-т русской литературы. – Т. 13. – Л.: Наука, 1975. – 456 с.
9. Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6-ти частях. – М.: Храм Святой мученицы Татианы при МГУ, 2002. – Ч. III. – 768 с.
10. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология / отв. ред. А. Л. Файнберг. – М.: Наука, 1964. – 328 с.
11. Иванов В. В. Близнецные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 174–176.
12. Ишимбаева Г. Г. Интертекстуальность романа Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» // Вестник Башкирского университета. – 2016. – Т. 21. – № 4. – С. 1072–1076. EDN: XSBKKT
13. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – М: Лабиринт, 1994. – 448 с.
14. Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. – М.: АСТ; Харьков, Тросинг, 2003. – 591с.
15. Эшбаева Н. У. Двойничество в творчестве Э. Т. А. Гофмана и Ф. М. Достоевского // Вестник науки и творчества. – 2022. – № 3. – С. 9–12.
16. Burkman K. (2016) *The Drama of the Double*. – New York: Palgrave Macmillan, 2016. – 197 p.
17. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Fourth Edition / ed. by Colin McIntosh. – Cambridge, Cambridge University Press, 2008. – 1844 p.

18. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Eighth Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 1796 p.

19. Seitz B. Intersubjectivity and the Double: Trouble Matters. – New York: Palgrave Macmillan, 2016. – 170 p.

20. Setterfield D. The Thirteenth Tale. – London: Orion Books, 2013. – 456 p.

21. Shiloh I. The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox in Crime Fiction and Film. – New York: Peter Lang, 2011. – 186 p.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Elena Chudinova, Olga Shurupova

The Problem of Duality: From Romanticism to Postmodernism (on the Example of *The Thirteenth Tale* by D. Setterfield)

The article examines the problem of duality, reflected in numerous works of both Russian and foreign fiction. The relevance of the study is explained by the need to study the novel by the modern author D. Setterfield *The Thirteenth Tale*, which in many ways continues the traditions of English classical literature, from the point of view of the implementation of the problem of duality in it. The purpose of this work is to study how the features of duality are manifested in the novel *The Thirteenth Tale*. The object of the study is a set of artistic concepts that were represented and interpreted in the text of the novel *The Thirteenth Tale* and due to the features of which the image of doubles is created in the text. To achieve the goal of the study, the descriptive method, the method of analysis of dictionary definitions and the method of component analysis were used. In the course of the study, the features of representation and interpretation of the basic concept "twin", its information content and associative field were analyzed.

Key words: *The Thirteenth Tale* by D. Setterfield, the problem of duality, concept, artistic text, basic concept, concept sphere, twin.

For citation: Chudinova, E. V., Shurupova, O. S. (2024) Problema dvoynichestva: ot romantizma do postmodernizma (na primere romana D. Setterfild «Trinadsataya skazka») [The Problem of Duality: From Romanticism to Postmodernism (on the Example of *The Thirteenth Tale* by D. Setterfield)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 4. Pp. 141–153. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_4_141. EDN: VRPIZZ

References

1. Abramyan, L. A. (1977) Ob idee dvoynichestva po nekotorym etnograficheskim i fol'klornym dannym [On the idea of duality according to some ethnographic and folklore data]. *Istoriko-filologicheskij zhurnal – Historical and Philological Journal*. No 2. Pp. 47–60. (In Russian).

2. Abramyan, L. A. (1977) Chelovek i ego dvojniki (k voprosu ob istokah bliznechnogo kul'ta) [Man and his double (to the question of the origins of the twin cult)]. *Nekotorye voprosy izucheniya etnicheskikh aspektov kul'tury* [Some issues in the study of ethnic aspects of culture]. Moscow. Pp. 60–77. (In Russian).

3. Berkovsky, N. (2021) *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. Moscow: RIPOL klassik Publ. (In Russian).

4. Burceva, M. A., Gizatullina, G. E. (2016) Sistema personazhej-dvojnikov v romane D. Set-terfild "Trinadcataya skazka" [The system of double characters in the novel "The Thirteenth Tale" by D. Setterfield]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Buryat State University*. Issue 1. Pp. 49–56. (In Russian).
5. Grigor'ev, A. A. (1967) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
6. Hugo, V. (1956) *Predisloviye k «Kromvelyu»* [Preface to "Cromwell"] *Sobraniye sochineniy v 15-ti tomakh*. T. 14 [Collected Works in 15 vols. Vol. 14]. Moscow: State Publishing House of Fiction Publ. Pp. 74–132. (In Russian).
7. Dzhumajlo, O. A. (2017) *Novye knigi o dvojnichestve* [New Books on Duality]. *Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij – Practices and Interpretations: A Journal of Philological, Educational and Cultural Studies*. Vol. 2. No. 1. Pp. 243–256. (In Russian).
8. Dostoevskij, F. M. (1975) *Podrostok* [Teenager]. *Polnoe sobranie sochinenij v tridcatti tomakh. Xudozhestvenny'e proizvedeniya (toma I–XVII)* [Complete works in thirty volumes. Works of fiction (volumes I–XVII)]. Vol. 13. Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).
9. Dunaev, M. M. (2002) *Pravoslavie i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian literature] In 6 parts. Part III. Moscow: Xram Svyatoj muchenicy Tatiyan' pri MGU Publ. (In Russian).
10. Zolotarev, A. M. (1964) *Rodovoj stroj i pervobytnaya mifologiya* [Tribal system and primitive mythology]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
11. Ivanov, V. V. (1980) *Bliznechnye mify* [Twin myths]. *Mify narodov mira: Enciklopediya* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. Vol. 1]. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya Publ. Pp. 174–176. (In Russian).
12. Ishimbaeva, G. G. (2016) *Intertekstual'nost' romana D. Setterfild «Trinadcataya skazka»* [Intertextuality of the novel "The Thirteenth Tale" by D. Setterfield]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of the Bashkir University*. Vol. 21. No. 4. Pp. 1072–1076. (In Russian).
13. Frejdenberg, O. M. (1994) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Mos-
cow: Labirint Publ. (In Russian).
14. Shejnina, E. Ya. (2003) *Enciklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow: AST Publ.; Har'kov: Trosing Publ. (In Russian).
15. Eshbaeva, N. U. (2022) *Dvojnichestvo v tvorchestve E. T. A. Gofmana i F. M. Dosto-
evskogo* [Duality in the works of E. T. A. Hoffmann and F. M. Dostoevsky]. *Vestnik nauki
i tvorчества – Bulletin of science and creativity*. No. 3. Pp. 9–12. (In Russian).
16. Burkman, K. (2016) *The Drama of the Double*. New York: Palgrave Macmillan.
17. Colin McIntosh (2008) (ed.) *Cambridge Advanced Learner's Dictionary Fourth Edition*.
Cambridge: Cambridge University Press.
18. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* (2015) Eighth Edition.
Oxford: Oxford University Press.
19. Seitz, B. (2016) *Intersubjectivity and the Double: Trouble Matters*. New York:
Palgrave Macmillan.
20. Setterfield, D. (2013) *The Thirteenth Tale*. London: Orion Books.
21. Shiloh, I. (2011) *The Double, the Labyrinth and the Locked Room. Metaphors of Paradox
in Crime Fiction and Film*. New York: Peter Lang.

Об авторах

Чудинова Елена Владиславовна, доцент Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации кандидат педагогических наук, доцент (г. Липецк, Российская Федерация); e-mail: tschudinowa@mail.ru; ORCID ID: 0009-0008-9608-6545

Шурупова Ольга Сергеевна, профессор Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского доктор филологических наук, доцент (г. Липецк, Российская Федерация); e-mail: shurupovaolgas@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6987-9883

About the Authors

Elena Chudinova, Associate Professor, Lipetsk Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD in Philology (Lipetsk, Russian Federation); e-mail: tschudinowa@mail.ru; ORCID ID: 0009-0008-9608-6545

Olga Shurupova, Professor, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, Doctor of Philology (Lipetsk, Russian Federation); e-mail: shurupovaolgas@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-6987-9883

дата получения: 15.09.2024 г.
дата принятия: 30.10.2024 г.
дата публикации: 28.12.2024 г.

date of receiving: 15 September 2024
date of acceptance: 30 October 2024
date of publication: 28 December 2024